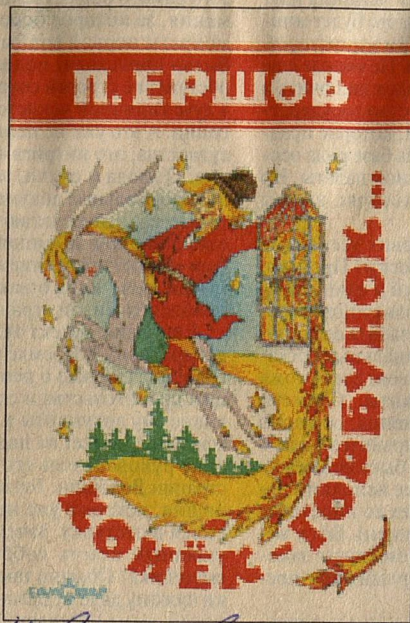

Сказка – ложь, да в ней намек...

Историю про Конька-Горбунка, похоже, сочинил Пушкин

Владимир КОЗАРОВЕЦКИЙ,
для «Новых Известий»

Мало кто знает, что окончательная редакция текста знаменитой сказки «Про Конька-Горбунка» (издания 1856 года) сильно отличается от первоначальной редакции 1834 года, и, главное, в худшую сторону. Исправления и дополнения составили около 700 (!) строк (треть от общего объема), как правило, посредственных, а то и вопиюще бездарных; вот некоторые из этих «перлов»: «починивши оба глаза», «очью бешено сверкая», «принесли с естным лукошко», «некорыстный наш живот», «натянувшись зельно пьян», «до сердцов меня пробрал», «всем ушам на удивленье», «православных не мутить» и т.п. Правда, бездарность этих исправлений не противоречит посредственности других стихов Ершова (это никем и не оспаривается), но как в таком случае объяснить гениальность первоначального текста сказки, не уступающего пушкинским? И как вообще объяснить этот всплеск гениальности у 18-летнего студента, который ни до, ни после ничего, заслуживающего доброго слова, не написал (ни одной талантливой строчки!), а о том, что он вообще пишет или написал какую бы то ни было

сказку, до ее публикации никто и слыхом не слыхивал? И почему этот гениальный Ершов после абсолютного успеха сказки, публикация одной лишь первой части которой сделала ему имя, а три первых издания должны были и материально обеспечить его, вместо того чтобы остаться в столице и занять свое законное достойное место среди лучших русских литераторов, уехал в Тобольск и стал работать в гимназии каким-то там преподавателем со скромной зарплатой?

Вероятно, именно эти и многие другие вопросы заставили замечательного пушкиниста (недавно умершего) Александра Ладиса искать на них ответы. Его исследованию и обязаны мы предположением, если не твердым знанием того, что *эта сказка написана Пушкиным*, что это одна из множества его мистификаций, гениально задуманная и осуществленная. А причины для мистификации были.

Уже в процессе написания второй части сказки Пушкин понял, что опубликовать ее вряд ли удастся, а к концу сказки невозможность ее издания под своим именем стала очевидной: царь – если и не дурак, то самодур, придворный – подлец и доносчик, да еще эта прозрачная история с ки-

том, проглотившим 10 лет назад тридцать кораблей, – нет ему прощения, пока «не даст он им свободу»! И под чужим-то именем возможность публикации чуть ли не открытого упрека царю и призыва выпустить декабристов казалась призрачной; под своим же Пушкин не мог даже пытаться преодолеть тройную цензуру (цензор, Бенкендорф, царь). Тем не менее Пушкин рук не опускает: уж больно сказка хороша; да и, как всегда, деньги нужны, неподотчетные Наталье Николаевне (карточные долги заедают; Пушкин в разговоре с Т.Рэйком: «По мне лучше умереть, чем не играть в карты!»), – не зря же он и ей про сказку не обмолвился! Вот что было тогда скрытой движущей силой этих околотитурных событий – и вот как они развивались.

Летом 1833 года у студента Петербургского университета Петра Ершова умер отец; семья бедствовала. Узнавший об этом профессор русской словесности П.Плетнев приводит его к Пушкину под предлогом оказания Ершову посильной помощи – например, дать ему переписать только что написанную Пушкиным сказку.

(Окончание на стр. 7)

Новые известия - 2006 - 1 сент. - с. 1, 7.

SAS», «British Airways», «Air France», «Cyprus Airways», «Finnair», «JAL», «Uzbekistan airways», «Kapara», «Домодедовских авиалиний», «Тюменьавиатранса», «Красноярских авиалиний»

Примеч. А.С.

1.9.07

Сказка — ложь, да в ней намек...

(Окончание. Начало на стр. 1)

Впоследствии, рассказывая об одном из посещений Пушкина, Ершов заметит: «Я был страшно обидчив», — и приведет пример из их разговора: «...Вам и нельзя не любить Сибири, — во-первых, — это ваша родина, во-вторых, — это страна умных людей», — сказал ему Пушкин, и Ершов оставляет убийственное подтверждение тому, что он не понимал, о чем сказка: «Мне показалось, что он смеется. Потом уж понял, что он о декабристах напоминает». Пойми Ершов сразу, о чем в сказке речь, он, пожалуй, побоялся бы принять участие в этой затее.

Поговорив с Ершовым, Пушкин дает Плетневу согласие на кандидатуру для мистификации. План таков: опубликовать в «Библиотеке для чтения» О.Сенковского, тоже обожающего всякого рода розыгрыши, самую безобидную, первую часть сказки, тем самым проложив ей дорогу к отдельному изданию. Цензор «Библиотеки» А.Никитенко — близкий друг Пушкина; он же и цензор ее издателя — А.Смирдина, а со Смирдиным Пушкин такие шутки уже проделывал не раз (из разговора со Смирдиным в присутствии А.Панаева, после того как Наталья Николаевна потребовала от издателя увеличения гонорара за пушкинскую рукопись: «Нечего делать, надо вам ублажить мою жену... Я с вами потом сочтусь». — *Курсив мой. В.К.*), и «схема отработана». За публикацию первой части в журнале (600 строк) Сенковский выплатит Ершову по 1 рублю за строчку, остальное получит Пушкин, а за отдельное издание, если оно состоится, Пушкин должен получить весь гонорар («левый») уже от Смирдина.

В апреле 1834 года Плетнев на лекции объявляет студентам, что их товарищ написал замечательную сказку, вместо лекции читает им ее первую часть и называет имя автора — Петр Ершов. В майском номере «Библиотеки» за 1834 год она публикуется, а в июне 1834 года выходит отдельное, полное издание сказки. Все довольны, публика в восторге, Ершов становится знаменитостью — и тут-то выясняется, что его положение более чем двусмысленно.

Ершов должен как-то подтверждать свой талант, но его стихи посредственны. Он повсюду приглашен в околотеатральных кругах, но он и личность вполне посредственная и не может не понимать, что не оправдывает надежд приглашающих. Он считается автором шумевшей книги, но не смеет даже делать дарственные надписи на ее экземплярах (не существует экземпляров «Библиотеки» с первой частью сказки или первых ее отдельных изданий с посвящениями Пушкину, Плетневу, Сенковскому, добывшему ему место преподавателя в Тобольской гимназии, Никитенко,

Смирдину или Жуковскому, что совершенно необъяснимо, если считать автором Ершова); нет даже в его письмах этого времени никаких упоминаний о том, что он является автором «Конька-Горбунка». Такое ложное положение наверняка оказалось для него пыткой и лишь способствовало его поспешному отъезду в Тобольск.

Не существует никаких черновилов сказки; у Ершова остался переписанный им беловик с правкой Пушкина, но он его впоследствии вроде бы уничтожил в приступе «страшной хандры» (дневник, который вел, будучи студентом, тоже уничтожен). Нет ничего, что могло бы подтвердить его авторство; зато есть доказательства авторства Пушкина — и самые разнообразные.

Первое, что бросается в глаза, это переключки «Горбунка» с «Царем Салтаном» и другими сказками — чуть ли не цитирование их. Такое «использование» живого классика (каким все и считали Пушкина) предполагает некую поэтическую смелость, свойственную крупной личности, поэтический разговор с Пушкиным на равных, чего Ершов не мог себе позволить даже в мыслях. А вот Пушкин, уверенный в том, что потопки рано или поздно разберутся, кто является истинным автором сказки, «флажки» оставил: тут тебе и *царь Салтан*, и *остров Буян*, и *пушки с крепости палят*, и *гроб в лесу стоит, в гробе девица лежит*.

В архиве Смирдина остался его рукой написанный перечень бумаг, в которых есть запись: «Пушкин... Заглавие и посвящение «Конька-Горбунка». с 1915 года эти четыре строки включались в собрания сочинений Пушкина; они отличаются от строчек первого издания 1834 года одной — гениальной! — строчкой (я выделил ее):

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле
Жил старик в одном селе.*

Существует рисунок Пушкина, где он изобразил себя в виде Конька-Горбунка (его теперь так и подписывают: пушкинский автопортрет в виде лошади); на рисунке две лошадиные морды, между ними — «конек-горбунок» (*Первых ты коней продай, Но конька не отдавай*).

Увидав из кареты графа А.Васильева, Пушкин подзвал его (видимо, было известно, что граф свои разговоры с известными людьми записывает) и, поговорив с ним о том, о сем, бросил фразу: «Этот Ершов владеет русским стихом, точно своим крепостным мужиком». Пушкин не мог не знать, что в Сибири никогда никакого крепостного права не было, это было общеизвестно и широко обсуждалось; фраза была им продумана и рассчитана благодаря ее «странным» на запоминание и запись.

Самому Ершову в присутст-

вии Е.Розена Пушкин сказал: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Сказка и впрямь великолепна, это лучшая пушкинская сказка; но двусмысленность этой фразы была понятна только Пушкину и Ершову, но не Розену.

Все вышеприведенные факты были известны и до того, как Александр Лацис занялся исследованием проблемы авторства этой «Русской сказки»; Лацис лишь правильно интерпретировал их. Но есть факт, открытие которого принадлежит исключительно ему, и оно блестяще подтверждает всю его интерпретацию уже известного. В апреле-мае 1834 года С.Соболевский помогал Пушкину приводить в порядок библиотеку. Книги расставлялись по авторам, по назначению (например, полка для словарей, отдельно — русские журналы и т.п.) и по иным признакам. Посмертной пушкинской Опекой была составлена «Опись» пушкинской библиотеки. По описи под №741 на полке библиотеки стоял «Конек-Горбунок», и Лацис неоспоримо доказал, что все до единой книги с №739 по №748 были анонимными и псевдонимными изданиями и что *Пушкин*, поставив изданную в июне 1834 г. сказку (тоже без дарственной надписи!) на эту полку, *знал: Ершов — псевдоним*.

Пушкин успел еще дважды издать ее (в Москве, подальше от бдительного ока столичной цензуры) под тем же псевдонимом; Ершов никакого участия в этих изданиях не принимал. Ну, а что было дальше, после смерти Пушкина?

Сказку, разумеется, запретили — под предлогом несоответствия «современным понятиям и образованности». А первым указом Александра II стала амнистия декабристам, кит дал кораблям свободу, и на следующий же год «Конек-Горбунок» снова был переиздан; здесь-то и появилась приписка: издание исправленное и дополненное. Вся правка, внесенная в сказку Ершовым, помимо его бесталанности, свидетельствует либо о непонимании им пушкинских поэтических приемов, либо о стремлении затушевать любые острые углы. Впрочем, Ершов ли вносил эту правку?

Испытание незаслуженной славой оказалось для него непосильным. Уехав в Тобольск, он вскоре запил. Через три года после смерти Пушкина он попытался просить деньги у Сенковского — как якобы недополученный гонорар за публикацию в журнале. «Ничего не следовало получить и не будет следовать», — ответил Сенковский (неоправданно хамский ответ, если автор сказки — Ершов, и справедливый, если автор — Пушкин и обещанное Ершов уже получил). К тому моменту, когда сказку снова разрешили издавать, Ершов совершенно спился и был уже физически не в состоянии вносить какую бы то ни было

правку, а ради денег согласился бы на любые исправления. Он начал предпринимать попытки переиздания «Горбунка» за несколько лет до воцарения Александра II и в 1851 году писал Плетневу: «Книгопродавец... сделал мне предложение об издании «Конька»... Я писал к нему, чтобы он доставил Вам рукопись и всякое Ваше замечание исполнил бы беспрекословно». Вскрывая роль Плетнева в судьбе Пушкина, Лацис не без основания задается вопросом, не Плетневу ли и принадлежат эти фантастические «исправления и дополнения».

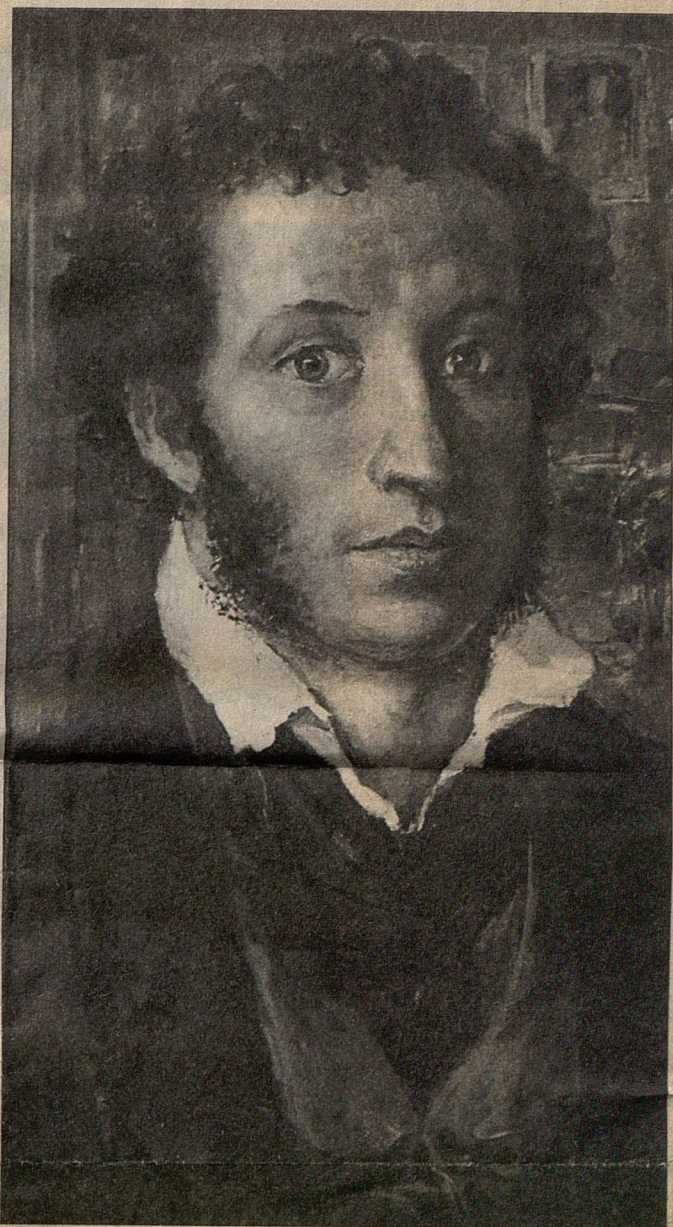
Те же, кто знал о пушкинском авторстве, видя, как уродуют лучшую сказку Пушкина, вынуждены были молчать во избежание скандала — политического (случай с очевидным обходом цензуры стал бы не лучшим примером для начала царствования) и денежного (потомственная купчиха, Наталья Николаевна могла и гонорар потребовать, обратившись к «шалунам» с иском). К тому же выяснилось бы, что Пушкин проделывал такие штучки неоднократно, а поскольку ему одному эти проделки очевидно были не под силу, под удар попадали все принимавшие в этом участие. Потому-то поэт, оберегая своих друзей и после смерти, не оставил прямых подтверждений своего авторства, которые могли всплыть слишком рано.

Недавно изданная книга «Карточные долги Пушкина» заставляет предположить, что он не ограничился «Горбунком» и что нам предстоит узнать и о других сюрпризах; впрочем, Пушкин и сам достаточно откровенно писал об этом в строфах, явно не случайно исключенных из «Домика в Коломне» (жирный курсив мой):

*Здесь имя подписать я не хочу;
Порой я стих
повертываю круто,
Все ж видно,
не впервой я им верчу,
А как давно?
Того и не скажу-то...
.....
Когда б никто
меня под легкой маской
(По крайней мере долго)
не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого критик
строго пощелкал!*

*Уж то-то б неожиданной
развязкой
Я все журналы
после взволновал!
Но полно, будет ли
такой мне праздник?
Нас мало.*

Не укроется проказник. И дальше открывал еще одну причину, по которой он занимался такими «проказами»: «Читатель, ...верх земных утех из-за угла смеяться надо всеми...». Легко представить, как забавлялся поэт спорами вокруг невест откуда взявшегося нового гения и его замечательной сказки. Так Пушкин, при жизни уве-

Пушкин нуждался в деньгах больше, чем в славе.

А бедняга Ершов недополучил первое и рискует лишиться второго.

ренный, что мы все равно обо всем догадаемся, и после смерти продолжает «из-за угла смеяться надо всеми». Что ж, посмеемся вместе с ним и мы. Только вот куда ни кинь, а наша русская действительность вечно ставит нас в такое положение, когда мы вынуждены изворачиваться, чтобы выжить, — обычный ли человек, или гениальный поэт.